

АЛАН
УИЛЬЯМС

Д Н Е В Н И К

БЕРИИ

Интригующий роман,
где мастерски переплетены
документальные факты
о личной жизни Берии с предположениями
о его политических взглядах
и стремлениях

Алан Уильямс

Дневник Берии

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74136886
ISBN 978-5-9524-6694-4

Аннотация

1970-е годы, разгар холодной войны. Крупное американское издательство получает заманчивое предложение – опубликовать тайный дневник шефа госбезопасности СССР, вывезенный за железный занавес. Шокирующие откровения о жестоких расправах, грязных методах борьбы за власть и скандальные подробности о похождениях главы НКВД обладают убийственной достоверностью и способны скомпрометировать современное советское руководство. Воротилы книжного бизнеса готовы выложить миллионы за сенсационный материал, но требуются неопровержимые доказательства подлинности. За владельцем рукописи, советским перебежчиком Борисом Дробновым, устанавливают слежку. Кто он – меркантильный посредник или талантливый фальсификатор, затеявший опасную игру с призраком Берии?..

Содержание

Первый отрывок из дневника	5
Часть первая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алан Уильямс

Дневник Берии

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс»,
2026

* * *

Первый отрывок из дневника

Гагра, июнь 1949 года

Проснулся с восходом солнца, тело полно сил и жажды женщины. Этот черноморский воздух, как обычно, творит с моим здоровьем чудеса. (Даже после выпитого накануне вечером литра перебродившего кобыльего молока голова у меня совершенно ясная.) Только профессору, кажется, дурно. Он вышел к завтраку раздутый и позеленевший, как старый труп. Сказал, что из-за селезенки, но я ответил, что мне лучше знать. «Бесо¹, друг мой, – сказал я, – это твое буржуазное сознание заставляет тебя страдать! Вчера вечером ты мне такого наговорил, что хватит упрятать тебя лет на двадцать!» На мгновение мне показалось, что он вот-вот умрет от инфаркта, потому что не помнил и половины сказанного им вчера вечером. Он питает слабость к слащавой романтической литературе девятнадцатого века, но, по крайней мере, я могу сказать, что он честен. Он мне очень нравится. Говоря по правде, мне было бы очень жаль, если бы я его сегодня убил – едва не закончившийся для Бесо трагедией досадный инцидент, однако, поразмыслив над случившимся, я чуть не лопнул от смеха. (По крайней мере, никто не скажет,

¹ Эмерто Бесо – профессор Тбилисского (ранее Тифлисского) университета. Ведущий советский литературный критик. (*Здесь и далее примеч. авт., если не указано иного.*)

что мне недостает черного юмора!)

Это случилось утром, после того как я закончил с обычной порцией телеграмм, включая шквал сообщений от Жарнковича, этого назойливого червя, который продолжает донимать меня подробностями проекта «Бородино»². Даже в отпуске невозможно наслаждаться отдыхом. Я был бы рад от него избавиться – он хуже сварливой жены!

Затем подошел Надарая³, сказал мне, что скоростной катер готов. Он прибыл ночью по железной дороге, прямо с верфей в Ростове, где его изготовили на заказ наши немецкие товарищи, которым сообщили, что это новейший прототип наших высокоскоростных военно-морских патрульных катеров для слежки за турками. Я подмигнул профессору, который был со мной на террасе, когда пришел Надарая, и сказал ему, что не стоит рассказывать нашим бедным голодающим товарищам в Германии, что такое великолепное произведение искусства – всего лишь моя игрушка! Я подумал, что его подбодрит новость о том, что у него есть на меня небольшой компромат, но старик, казалось, только еще больше расстроился. Думаю, ему действительно неуютно в моем присутствии! В любом случае я решил проявить великодушие и пригласил его на первый рейс, сказав, что на скорости в девяносто узлов его похмелье развеется, как дым!

² «Бородино» – кодовое название первого советского атомного проекта.

³ Надарая – полковник, командующий личной охраной Берии, насчитывающей 800 грузинских военнослужащих.

Лодка стояла у причала, ее охраняли четверо моих грузин. Незнакомый мне мужчина переводил инструкцию и давал указания капитану. Его представили как немецкого механика. Как только я появился, он вытянулся по стойке смирно и отдал честь, а потом застыл, как деревянный. Я рассмеялся и спросил его, что он думает о моей маленькой игрушке. Не считает ли он, что лодка как раз то, что нужно какому-нибудь западному плейбою, чтобы развлечь подругу? (По тому, как покраснел и задрожал этот немецкий болван, я сразу увидел, что он понял мой намек.)

Затем я повернулся и подмигнул Надарае. «Полковник, нам нужны две или три красивые девушки! Рыжеволосые девственницы из Сванетии!» Надарая и его грузины рассмеялись вместе со мной, но немец был настолько ошеломлен, что мог только стоять и смотреть на меня, разинув рот.

Затем Рафик⁴, который сам немного разбирается в механике, показал мне лодку. Должен сказать, эти немцы по-прежнему мастера техники. Эта машина – настоящее произведение искусства! Стройная и красивая, как птица, вся белая, кроме заостренного черного носа, похожего на злобный клюв, лодка как будто затаилась в воде, готовая выпрыгнуть и ринуться в атаку. Корпус сделан из какого-то нового сплава, изобретенного американцами для своих самолетов – очень легкого и прочного; двигатель – 125 л. с., рычаги

⁴ Рафик – Рафаэль Семенович Саркисов (Саркисян), начальник личной охраны Лаврентия Бери, полковник госбезопасности.

управления из нержавеющей стали с черными резиновыми набалдашниками, интерьер отделан лакированным орехом, а лодка оборудована новейшим радиотелефоном, радиокомпасом, эхолотом и даже радаром.

Должно быть, я не скрывал своего восторга, потому что атмосфера сразу же стала непринужденнее, и вскоре мне даже удалось заставить механика улыбнуться, пошутив о том, как хорошо, что после 45-го года мы пощадили хотя бы нескольких немцев!

Затем Надарая вместе со мной поднялся на борт, и совместно с механиком мы совершили пару заездов на малой скорости близ берега. Катер слушался великолепно, как хорошо дрессированный зверь, но меня раздражало, что этот немец все время за мной наблюдал, словно ожидая, что я что-нибудь сделаю не так.

Когда мы вернулись, я приказал Рафику принести подушки, чтобы положить их на два дивана на корме, а еще холодильник с четырьмя бутылками хорошо охлажденного вина. Затем я позвал на борт профессора, и мы отправились в путь.

Море абсолютно спокойно до самого горизонта, полный штиль, и мы чудесно прошли пять-шесть километров. Берег проносился мимо, словно мы ехали на скоростном автомобиле. Я знал, что за нами, как всегда, наблюдают в бинокли охранники, и несколько скоростных лодок стоят наготове на небольшом расстоянии друг от друга на случай, если у нас

возникнут какие-нибудь проблемы.

Мы отошли на шесть километров и почти потеряли из виду Гагру, когда приблизились к боту, буксирующему шлюпку. Сначала я думал, что это патруль береговой охраны, пока не увидел, что рядом со шлюпкой плывет девушка, а двое мужчин втаскивают ее на борт. Я вовремя сбавил скорость, чтобы достать бинокль и хорошенько ее рассмотреть. Боже мой, какое создание! Не девушка, а настоящая статуя, вся золотисто-коричневая, в ослепительно-белом купальнике, а когда мужчины втаскивали ее на борт, ее ягодицы торчали вверх, как две спелые сливы. Тут профессор сказал мне, что эта девушка – одна из лучших наших спортсменок – чемпионка СССР по плаванию на длинные дистанции.

Я уже составлял план наступления, когда она, балансируя на носу шлюпки, выпрямилась и грациозно нырнула обратно в море. Я наблюдал, как девушка уверенными и размеренными движениями уплывает от неподвижного бота со шлюпкой. Я сбросил газ, уходя от девушки по длинному виражу, но не слишком быстро, чтобы не привлекать внимания. Единственным препятствием на пути к моему плану был проклятый Бесо. Я уже ругал себя за то, что взял его с собой, и гадал, кто вообще хватится этого старого халтурщика.

Я сбавил скорость до предела, а потом велел ему открыть бутылку вина. Девушка была примерно в шестистах метрах от шлюпки. Я дал Бесо сделать приличный глоток, а затем

велел ему пойти на корму и посмотреть, не засорился ли винт. На мне были только плавки, а он все еще был в костюме и сандалиях, и, когда он перегнулся через борт так, что его голова почти касалась воды, я прыгнул вперед и сильно пнул его под зад. Он упал в воду настолько быстро, что даже не успел крикнуть, а когда вынырнул, отплевывался и барахтался, как огромная рыба. «Лаврентий, помоги мне! Я плохо плаваю!» – закричал он.

Я рассмеялся и бросил ему один из спасательных жилетов. «Ты выплывешь, друг мой!» – крикнул я в ответ, а затем подошел к штурвалу. Бот со шлюпкой были уже довольно далеко, но, даже если его оттуда не увидели, я знал, что рано или поздно его заметит кто-нибудь из охраны на берегу и отправит за ним патрульный катер. Старому дураку не повредит хорошее черноморское купание!

Затем я выжал газ до упора и помчался прямо к девушке.

Должен сказать, я был по-настоящему горд своим мастерством, когда обогнал ее, едва не задев широким белым буруном, а потом остановился на расстоянии вытянутой руки. Она посмотрела на меня испуганно, с выражением едва ли не ужаса на лице, и на мгновение я подумал, не узнала ли она меня. Но я крикнул ей, чтобы она не боялась, и схватил за подмышку, ощутив приятный комочек мокрых волос.

Фигура у нее оказалась даже роскошнее, чем я представлял: тело настоящей спортсменки, длинные мускулистые ноги, тонкая талия и плоский живот без растяжек и лишнего

жира, а большие груди, стиснутые купальником, напоминали спелые дыни. Однако я помнил, что, как знаменитость, она привыкла к определенным правилам приличия, и решил, что лучшей тактикой будет разыграть идеального джентльмена. Я понимал, что по лодке она догадалась, что я важная персона, но, поскольку был в одних плавках – без очков, формы и медалей, – думаю, она меня не узнала. Я назвал ей только свое имя и сказал, что я морской офицер из Одессы, а тут в отпуске, что, кажется, произвело на нее впечатление и успокоило. Я предложил ей вина, которое она приняла с очаровательной улыбкой. Затем достал из одного из шкафчиков махровый халат, накинул девушке на плечи, наполнил ей бокал и пригласил сесть рядом со мной на одну из подушек. Она сняла купальную шапочку, и я увидел, что она настоящая красавица. Волосы у нее были цвета спелого ячменя – девушка мечты! Потом я вспомнил об охранниках на берегу с их проклятыми биноклями, следящих за каждым моим движением, поэтому вернулся к штурвалу и направился прямо в море.

Любая девушка, независимо от того, откуда она родом, любит скорость. Я ей сказал, что мой катер самый быстрый в мире. Я увидел, как ее глаза заблестели от восторга, и решил, что с этого момента все будет гладко. На полной скорости нам потребовалось меньше трех минут, чтобы берег скрылся из виду.

О проклятом профессоре я совсем позабыл и беспокоился

только, как бы за нами не увязались охранники.

Я старался поддерживать разговор. Я подумывал воспользоваться радиотелефоном, но не хотел – даже говоря по-грузински – вызывать у девушки подозрений. В конце концов, решил довериться своим мальчикам, что они будут держаться поодаль и не выставят себя дураками. В конце концов, они хорошо меня знали!

Двигатель я заглушил только тогда, когда горизонт очистился полностью. Море оставалось очень спокойным, а внезапная тишина добавила остроты ощущений. Я пошутил, спросив ее, каково это – оказаться наедине с женщиной так далеко от берега. Она улыбнулась, – как мне показалось, довольно загадочно, – и согласилась выпить еще бокал вина. Затем я притянул ее к себе. Ее кожа все еще была шершавой от высохшей на ветру морской воды, и я чувствовал вкус соли на ее шее. Я также почувствовал, что девушка сильная, и ради ее же блага надеялся, что она не станет сопротивляться.

Мы немного поговорили, и я обнаружил, что она хорошая комсомолка, однако, обладая опытом, также уловил в ней некую светскую мудрость, что меня воодушевило. А ее улыбка возбудила меня почти до безумия. Я удачно рассчитал момент и внезапно расстегнул молнию на спине ее белого купальника, стянул его до пояса и, не переставая говорить, взял и сжал ладонью одну из ее великолепных грудей. Я говорил ласково, но строго, а она слушала меня очень серьезно, ее серые смотрящие с невинностью умного ребенка глаза

были широко раскрыты. Вскоре я почувствовал, как твердеет в плавках, пока мой член не напрягся, будто пойманный зверь, и я больше не мог этого выносить. Я крикнул: «Хватит!» – и, схватив ее одной рукой сзади за шею, а другой за резинку своих плавков, обнажился перед ней, мой член стоял торчком, как огромная перечница. Я притянул ее голову к себе, и, к моему огромному удовольствию, девушка не оказала сопротивления, а принялась ласкать меня с таким мастерством, которое, если бы не мое неистовое вождение, показалось бы мне почти уничтожающим ее репутацию. В этот момент ее язык был подобен быстро разгорающемуся пламени, губы внезапно смыкались с восхитительным нажимом, а горячая слюна стекала мне в пах. Я держался до тех пор, пока не почувствовал опасную близость оргазма, после чего схватил ее за волосы, исторгнув из нее крик, и бросил ее лицом вниз на подушки. Я сорвал купальник с ее ног, перевернул ее на живот и, встав на колени между бедер, грубо вошел в нее сзади. Сначала она была тесной, еще холодной после купания, и я нежно ласкал ее, чтобы не поранить, но она была уже зрелой и вскоре стала двигаться вместе со мной, внутренняя сторона ее бедер сделалась теплой и липкой, словно смазанная инжирным соком. И все это время я мог рассматривать ее тело в ослепительном свете – золотистый пушок у основания позвоночника, ее изгибы и бледные веснушки на плечах. А разглядывая ее, я ее щипал, сначала соски, потом живот и бедра, и тугую мускулистую плоть яго-

диц, пока она не сделалась скользкой, и я уже не мог сдержаться и просто взорвался внутри ее – оргазмом, от которого у меня закружилась голова, словно литр вчерашнего перебродившего кобыльего молока вскипел во мне и выстрелил в ее глубины!

Она не хотела останавливаться, лежала и стонала, поэтому я галантно довел ее до пика наслаждения рукой. Когда все кончилось, она меня разозлила, расплакавшись. Я подлил ей еще вина, но она зарыдала, и мне пришлось строго с ней поговорить, сказав, что я важный человек и что, если она будет себя вести хорошо и проявит благоразумие, позабочусь о том, чтобы она приняла участие в Параде физкультурников в Москве 18 июля. Чем я, кажется, ее успокоил и после еще нескольких бокалов вина завел мотор. Она начала говорить, что ей нужно вернуться на свою лодку, но я сказал ей не волноваться и отвез ее прямо в Гагру.

Мои грузины ждали меня на причале. Они обращались с девушкой как с высокой гостьей, и я еще больше успокоил ее, заверив, что с ее начальством я все улажу, а она останется моей гостьей до завтра.

На вилле мне сообщили, что профессора вытащил из моря один из патрульных катеров и он страдает от переутомления. Я приказал обеспечить ему место в спальном вагоне первого класса на ночном поезде обратно в Тбилиси. Думаю, достаточно хорошо знаю своего Бесо, чтобы быть уверенным, что он не наделает глупостей.

Моя маленькая Людмила – так ее зовут – осталась на прекрасный пир в тот вечер, после которого я поимел ее как дикарь, но она, похоже, быстро освоилась, и слез больше не было.

Утром я попросил Рафика проводить ее, чтобы она завершила на шлюпке свои тренировки по плаванию. Она сказала мне, что у нее через восемь дней день рождения, и я приказал, чтобы ей прислали розы и шоколад в местную, в Гагре, гостиницу, где она отдыхает с начальником команды.

Часть первая

Знай я, чем все обернется, я бы никогда этого не сделал.

Клиффорд Ирвинг

Чарльз Э. Уитмор, вице-президент «Атлантик нэшнл энд дженерал консолидейтед», поднял взгляд на зеленый огонек, подмигивающий ему через стол, когда голос секретарши пропищал: «Мистер Уитмор, за ланчем в пятнадцать ноль-ноль у вас назначена встреча с мистером Мискиным».

Медленно, с осторожностью ученого, работающего с хрупким оборудованием, Уитмор положил вдоль поля широкого формата страницы золотой карандаш, закрыл машинпись, запер ее в ящике стола на уровне колена, а затем обратился к аппарату: «Сейчас спущусь, мисс Кист».

Это был крупный седой мужчина с бесцветным лицом большого начальника и движениями полукалеки. Сегодня он принял исключительные меры предосторожности, заперев дверь, прежде чем пройти галерею стеклянных офисных кабинок с приглушенным стуком пишущих машинок и шутивыми печатными объявлениями на стенах и выйти в вестибюль, окрашенный в цвет мятного ликера, где за столами с позолоченными ножками почетным караулом восседала целая шеренга красивых секретарш на приеме.

Уитмор бесшумно проскользнул мимо них. У лифтов ему пришлось смешаться с образовавшейся в обеденный перерыв толпой, и несколько человек кивнули, здороваясь с ним, однако белесые глаза Уитмора не осветил даже проблеск ответного приветствия. Он был похож на человека, привыкшего путешествовать первым классом и воспринимающего присутствие попутчиков как неизбежное зло.

На тротуаре у мраморного портала ждал лимузин с работающим двигателем и шофером. Уитмор погрузился в полумрак обитого тканью салона, защищенного от ослепительного света Мэдисон-авеню тонированными стеклами, и машина медленно проехала пару кварталов до спокойного, с расслабляющей атмосферой ресторана, куда свежие овощи каждое утро доставляют рейсом «Эр-Франс».

Его визави уже ждал, блеснув из темноты белоснежной улыбкой. Уитмор хмыкнул и опустил ся напротив. Тенью мелькнул официант и поставил перед ним стакан холодного молока. Сай Мискин сидел, сжимая ножку бокала непригубленного мартина.

– Итак, сэръ, каков ваш вердикт?

Мискин был невысок, подвижен, а когда говорил, его непропорционально большая голова раскачивалась из стороны в сторону, как у той игрушечной собачки, что подвешивают на заднем стекле автомобиля. Его пухлое лицо отличали мягкие черты, широкие жадные ноздри и пронзительный на фоне искусственного загара взгляд серых глаз. Он был

главным редактором Уитмора в издательстве «Берн, Хирш», одном из самых уважаемых, основанном более века назад издательском доме США, но сегодня лишь интеллектуальном украшении конгломерата «Атлантик нэшнл энд дженерал консолидейтед». Сам Мискин, хотя и не интеллектуал, внимательно следил за литературным процессом, то есть за текущими бестселлерами, и мог выдержать любые полевые испытания на литературных вечеринках, оставаясь цепким воротилой старой складки, жестким и хитрым, в особенности при заключении контрактов на книги в мягкой обложке, почитаемых им конечной целью издательского бизнеса.

Репутацию он заработал не менее полдюжиной книг, из них ни одна не обладала ни малейшим литературным достоинством, но их мировые продажи превысили десять миллионов экземпляров. Он умело поддерживал авторов, становясь не только их редактором, но и агентом, менеджером и посредником в любых делах: уговаривал, подкупал, заманивал в ловушку сложными перекрестными сделками, вариантами экранизации, аморальными адвокатами, абсолютно законными схемами уклонения от уплаты иностранных налогов, пока не добивался полной зависимости от себя. А переходя из издательства в издательство, забирал всех своих авторов с собой и всякий раз повышал ставки.

Он был оптимистом. Он обладал непоколебимой сам-уверенностью удачливого азартного игрока. И вот ему выпал крупный банк: куш, сорвав который он мгновенно просла-

вится. Только сперва ему необходимо убедить Уитмора вложить деньги – три миллиона долларов – в один проект. И времени оставалось в обрез.

Уитмор отпил глоток молока. Заговорив, он тщательно подбирает слова, словно врач, ставящий диагноз.

– Сай, я еще не дочитал, осталась примерно треть. Но пока мне не очень понравилось. Половина всего этого – дешевая, отвратительная, сенсационная порнография, вроде той, что мог бы сфабриковать любой мелкий торговец непристойностью с Сорок второй улицы.

Мискин пригубил martini. Своего работодателя он знал достаточно хорошо, чтобы его не торопить. Уитмор привык к пятипроцентной прибыли, к низкой доходности при большом обороте и был не из тех, кто ради небольшого прироста прибыли переступит через свои баптистские принципы. Как вице-президент «Атлантик нэшнл энд дженерал консолидейтед», он обязан вести дела не только успешно, но в соответствии с принципами здоровой американской культуры.

Мискин подождал, пока официант примет у них заказ, сам он взял простой стейк очень сырой прожарки, а Уитмор – свой обычный кусок вареной рыбы. Когда они снова остались одни, он наклонился вперед и вкрадчивым и доверительным тоном сочувствующего любовника разделил озабоченность старшего коллеги:

– Полностью с вами согласен, Чарльз. Чистейшая похабщина. И именно поэтому мы должны это опубликовать.

Уитмор выжидательно посмотрел на него через стол.

– Опубликуйте это, – продолжил Мискин, – именно потому, что это *чистейшая* похабщина, которую пишут юнцы из грязных переулков, только в данном случае это не они. Потому что этот наш похабник чуть менее двадцати лет назад был вторым по могуществу человеком в мире и, вероятно, одним из самых отъявленных злодеев в истории.

В тусклом свете Уитмор казался бесформенным камнем, лежащим в глубокой воде.

– Всегда приходится принимать во внимание вероятность того, что это мистификация, – наконец произнес он. – Мне не хотелось бы, чтобы у нас появился новый Клиффорд Ирвинг.

– Мы провели тщательную проверку. Вы видели меморандум профессора Круля из Гарвардского центра международных отношений? Он считает, что это подлинник.

– Он готов поставить на это три миллиона долларов? – спросил Уитмор с кислой улыбкой.

– Он лучший в своей области, Чарльз. И мы также попросили лингвиста проверить оригинал, и он ничего не нашел, никаких ошибок. Как и ребята из судебной экспертизы. Бумаге минимум лет пятнадцать – двадцать, точнее они сказать не могут, и они даже проверили марку пишущей машинки. Она довоенная. Что до машинописи, то они могут с уверенностью сказать лишь одно: печать сильно выцвела. Поверьте, это подлинник!

– Эти эксперты похожи на экономистов, – проворчал Уитмор. – Ты их приглашаешь, и к концу дня у тебя оказывается больше мнений, чем людей, которые их высказывают. Посмотрите на книгу Хрущева. Сколько ваших экспертов продолжают утверждать, что вовсе не старик ее написал, а это просто большая инсценировка – либо русских, либо наших? Я так и не докопался до сути дела, думаю, никто не докопался.

– Книга Хрущева принесла прибыль, – сказал Мискин, – даже при двух миллионах долларов вложений, а материал был послабее.

– Это совсем другое дело, Сай. Насколько я понимаю, в истории с Хрущевым речь шла об обычных политических мемуарах. И даже если бы доказали, что это фальшивка, все, что получилось бы в сухом остатке, – это несколько красных лиц в кабинетах «Тайма» и «Лайфа» и дефицит на их бухгалтерских балансах. Но если мы все-таки опубликуем этот ваш материал, и окажется, что на самом деле он написан каким-то грязным мистификатором – и я вас уверяю, обязательно при содействии какого-нибудь эксперта, – тогда у нас будут большие неприятности. И я имею в виду не финансовый или даже моральный аспект.

Уитмор сделал еще один глоток молока.

– Я говорю о более серьезных неприятностях. Помимо грязных подробностей, в этой книге много взрывоопасных политических аспектов, причем крайне нестабильных взры-

воопасных аспектов. Если это подделка, у «Берн, Хирш» будут большие проблемы. И я имею в виду не с бухгалтерами или даже акционерами. Я имею в виду с Госдепартаментом. Распространение клеветнических измышлений о советских лидерах...

Он замолчал, когда официант принес еду, затем глубоко вздохнул и покачал головой:

– Нет. Прежде чем мы начнем такую игру, мне понадобится нечто большее, чем просто положительное заключение какого-нибудь умника из Гарварда и парочки лингвистов. Мне нужны неопровержимые, независимые доказательства, чтобы я выложил денежки.

– Какие именно доказательства?

– Показания свидетелей. Кого-то из участников событий. Например, этого Рафика. Полковника Сарк-как-его там...

– Полковника Саркисова. Он мертв.

– Значит, кто-то другого – например, еще одного из грузинских охранников?

– Все они были убиты в июле 1953 года.

– Все до единого?

– Все до единого. В истинно римском стиле – в ожесточенном сражении с частями Красной армии при обороне имения графа Орлова под Москвой. Круль все это описал в своем меморандуме.

Уитмор сидел и ковырял свою рыбу без костей.

– Наверняка есть и другие люди – прислуга, шоферы, мо-

жет быть, один из врачей? Даже одна из девушек? Они уже должны повзрослеть, но хотя бы одну из них можно заставить заговорить – за деньги. Думаю, доллар в России имеет большую покупательную способность.

Мискин одарил его заученной улыбкой.

– Вы когда-нибудь бывали в России, Чарльз?

– Не доводилось, – сказал Уитмор.

Мискин кивнул.

– Пройдут недели, месяцы, прежде чем у нас появится хотя бы малейший намек на зацепку. Но, скорее всего, КГБ доберется до нас первым и вышвырнет нас куда подальше, если не хуже. Пресса, возможно, сможет что-нибудь найти после нашей публикации, но на данный момент у нас просто нет времени. – Мискин взглянул на часы. – Мой контакт позволит мне в четыре – в десять вечера по швейцарскому времени, – и я должен дать ему прямой ответ «да» или «нет».

– Вам придется его притормозить.

– Он очень решительный клиент. Предупреждаю вас. И его интересы представляет один из лучших адвокатов Цюриха.

– Швейцарские адвокаты – это не американские адвокаты, – сказал Уитмор. – Кроме того, машинопись у нас.

Мискин отрезал кусок красного мяса и тихо сказал:

– Только половина машинописи.

Уитмор уставился на него.

– Половина? Сай, я верно расслышал – «половина»?

Лицо Мискина приняло бесстрастное выражение.

– Чарльз, я же вам говорил, мой контакт поставил в качестве одного из предварительных условий, что только половина материала покинет Швейцарию. Он посчитал, что этого хватит для того, чтобы мы вынесли вердикт.

– А как же то, что я читал сегодня утром? Разве не вы говорили, что это дневник, охватывающий период от конца войны до его смерти – где-то в 1953 году? Я уже дочитал до осени 1951 года.

– Верно, но думаю, вы заметили, что между дневниковыми записями есть пробелы – иногда несколько дней, иногда несколько недель. Прежде чем мой визави передал мне оригинал, он предусмотрительно разделил его на две части; хронология соблюдена, и наша половина – своего рода ознакомительный фрагмент – полная настолько, чтобы прослеживалась общая канва повествования, но все же значительная часть истории опущена.

– Сукин сын, – пробормотал Уитмор, а затем добавил: – И мы не получим второй половины, пока не подпишем контракт?

– Верно.

Испещренные пигментными пятнами руки Уитмора принялись размеренно и неторопливо отбивать дробь по скатерти.

– Допустим, – проговорил он, – мы дадим ему меньше, скажем миллион наличными, и опубликуем то, что у нас

есть?

Слова Уитмора как минимум показали, что он проглотил наживку.

Мискин рассудительно заметил:

– Чарльз, я бы не советовал вам так поступать. Во-первых, думаю, что он вряд ли согласится взять меньше запрашиваемой суммы, а вердикт Круля лишь укрепил его позиции. В то же время, если он решит, что мы от него что-то скрываем, он может просто предложить книгу кому-то еще. Он может даже заключить отдельные сделки в разных странах. И если кто-то из издателей опередит нас хотя бы на день, – нам крышка. Кроме того, – добавил он немного обиженно, – полагаю, будет нехорошо, опубликуй мы только часть книги, такое издание сочтут пиратским. В конце концов, мне необходимо заботиться о своей репутации.

– Хорошо, хорошо, – быстро проговорил Уитмор. – Так какова наша позиция в отношении авторских прав?

– Мы немедленно выпускаем оригинальное издание на грузинском языке – скажем, пятьсот экземпляров. На самом деле необходимые меры я уже принял. Это будет дорого, но это единственный способ закрепить эксклюзивные мировые права в рамках Конвенции об авторском праве, принятой в большинстве уважаемых стран за пределами железного занавеса.

– Кому принадлежат права сегодня? Вашему контакту в Швейцарии?

Мискин помолчал, прежде чем ответить:

– По сути да. Конечно, это не то же самое, как если бы мы имели дело с автором. Автор здесь ни при чем, и я считаю, что о каких-либо родственниках нам не стоит слишком беспокоиться. У него есть жена и сын, и они сменили фамилию. Без сомнения, их заставят выступить с обычными опровержениями клеветнических инсинуаций империализма в адрес Советского Союза и так далее, однако я думаю, они не станут поднимать шум из-за авторских отчислений, поскольку автор – массовый убийца, и он все равно мертв.

– По контракту предполагается выплата авторских отчислений?

– Нет. Полноправный владелец машинописи продает ее раз и навсегда.

– А кто сказал, что он полноправный владелец? Кто может утверждать, что он ее не украл? Или дал вам не просто копию, а одну из нескольких копий? Как там в России называется их подпольная пресса – та, что печатают на машинке и передают из рук в руки?

– Самиздат. Но здесь об этом и речи быть не может. Если бы это попало в самиздат, мы бы уже знали. Но дело не только в этом, Чарльз. В сделке такого рода необходима определенная степень взаимного доверия.

Он прервал разговор, чтобы заказать кофе и попросить счет.

Уитмор мрачно глянул на его тарелку, пустую и блестя-

шую, словно ее вылизал кот.

– То есть вы призываете довериться совершенно незнакомому человеку в сделке на три миллиона долларов?

– Совершенно верно! – воскликнул Мискин. – Именно поэтому я считаю, что он поведет себя честно. С такими деньгами он ничего не отчебучит. Зачем ему? Ему, как и нам, не нужны запутанные юридические коллизии. Нет, ему нужна быстрая и окончательная сделка, без всяких уловок и условий. Что я и советую вам ему предложить.

– Сай, мне все равно нужно еще время, сорок восемь часов как минимум. И не говорите мне, что он не подождет, каким бы решительным он ни был. Он очень торопится. Если он так торопится, значит, где-то есть подвох – и вы можете ему прямо об этом сказать. И сегодня в четыре он вам позвонит. Каков в этом случае ваш план?

– Сегодня вечером я вылетаю в Женеву, завтра утром прилетаю и еду в «Отель дю Лак» в Веве, где встречаюсь с ним и его адвокатом. Я привезу с собой подписанный вами контракт, а также банковский чек – или банковский перевод, подтверждающий, что чек в пути. Он подписывает контракт, передает вторую половину машинописи, и сделка заключена.

– Контракт готов?

Мискин постучал по внутреннему карману.

– Все готово, кроме названия. Его я внесу, когда мы подпишем контракт. Не хочу, чтобы увидели даже наши юристы. Хватит одного названия и шепотка газетчикам о нем...

– Хорошо. Теперь послушайте. Скажите ему, что прилетите таким же рейсом завтра. Скажите, что я еще не дочитал и что мне нужно дополнительно проконсультироваться с Крулем – обычная задержка. Ведите себя спокойно – ничего такого, что могло бы вызвать у него подозрения, просто дайте ему понять, что мы проявляем осторожность. В конце концов, он выбрал нас, и если хоть немного проницателен, то не будет ожидать от нас безоглядной доверчивости. И еще одно, – добавил Уитмор, когда официант принес им кофе. – Вы уверены, что мы первые в его списке? Не хотелось бы думать, что он торгует этим товаром где-то еще.

С улыбкой притворного смирения Мискин развел руки ладонями вверх.

– Чарльз, как я уже вам говорил, судить мы можем только с его слов. Однако считаю, можно смело предположить, что он начал с самого верха.

Уитмор принял скрытый комплимент коротким кивком, затем встал, не притронувшись к кофе.

– Хорошо, Сай. Летите завтра. А пока, когда будете разговаривать со своим контактом, проверьте, откуда поступил звонок, и попытайтесь выяснить, где он остановился.

Он повернулся и, сопровождаемый группой официантов, исчез. Мискин слишком поздно сообразил, что Уитмор ушел, не подписав контракт, – осторожный старый пройдоха захотел, чтобы его сначала прочли его собственные юристы, со всем мелким шрифтом.

Вернувшись в свой кабинет в здании коричневого камня на Восточной Сорок четвертой улице, служившем штаб-квартирой фирмы с ее основания в 1892 году, Мискин налил себе крепкий шотландский виски, разбавил содовой и сел ждать звонка из Европы.

Точно в назначенное время зазвонил его личный телефон, номер которого не был указан в справочнике, поэтому соединение шло не через офисный коммутатор. Мискина немного раздосадовало сообщение телефонистки, что звонок с номера в Анси, Франция, за счет вызываемого абонента. Он принял звонок и услышал высокий с сильным акцентом голос:

– Мистер Мискин?

– Говорите.

– Это Грегори. Мистер Мискин, все в порядке?

– Все в порядке, мистер Грегори.

– Вы поговорили со своим начальником?

– Поговорил.

– Значит, вы будете завтра в Женеве?

– Минутку, мистер Грегори. Есть пара моментов...

– Что именно? Все улажено?

– Надо уточнить парочку мелочей.

– Мелочей? Каких мелочей?

– Моему начальнику нужно обсудить это с профессором

Крулем...

– Круль! – Голос сорвался на металлический визг. – Его

что-то не удовлетворяет?

– Профессора Круля все удовлетворяет, – терпеливо пояснил Мискин. – Просто в таких делах нельзя торопиться...

– Ваш начальник показывает материал другим людям! – крикнул голос. – Ладно, если Круля недостаточно...

– Не могли бы вы дать мне договорить? – спросил Мискин.

Повисла напряженная пауза.

– Все будет улажено в обычном порядке. В субботу утром.

– В субботу банки закрыты!

– Не заботьтесь о банках, – успокоил Мискин. – Банки – это наша забота. Просто подготовьте – вместе с вашим адвокатом – все необходимые документы, и мы все вместе подпишем контракт, как послушные мальчики.

– Мистер Мискин, – голос стал тише, – если начнутся какие-либо неприятности, какие-либо махинации...

– А теперь послушайте, мистер Грегори, я представляю...

– Вы американский бизнесмен, а я продаю вам нечто такое, что стоит дороже золота. Если вы попытаетесь меня одурачить...

– Мистер Грегори, вы пьяны?

Снова металлическая пауза.

– Это не ваше дело! Нет, не пьян, а напиваюсь. Значит, вы прилетите в субботу утром. То же время, то же место? И без фокусов!

Мискин устало усмехнулся себе под нос.

– Без фокусов, – повторил он. – И кстати, я хотел бы знать, как с вами связаться, если возникнет неотложная необходимость.

На мгновение связь оборвалась, словно чья-то рука закрыла микрофон. Затем голос произнес:

– Мистер Мискин, я перезвоню вам в офис, чтобы уточнить. Завтра в полдень по нью-йоркскому времени.

– Мистер Грегори, где вы остановились?

– Я переезжаю с места на место, – поспешно произнес голос. – Значит, эта задержка – эти моменты с Крулем...

– Простите, мистер Грегори, я все вам объясню при встрече. До свидания.

Он услышал еще один всплеск металлического треска и повесил трубку. Теперь оставалось только ждать.

Пока Мискин препирался по телефону с Грегори из Анси, Чарльз Уитмор отправился в ресторан отеля «Сент-Реджис» на назначенную утром встречу с высокопоставленным чиновником Министерства финансов. Последние припозднившиеся за обедом посетители, громко смеясь и тревожно озираясь, разошлись. Они остались одни.

Компаньоном Уитмора был Майк Сэнгер, рослый, благообразный, в светло-сером костюме и нейтральном галстуке. Он возглавлял отдел по борьбе с фальшивомонетничеством, уклонением от уплаты налогов и крупномасштабным международным мошенничеством, по роду деятельности тесно

сотрудничая с полицией большинства западноевропейских стран. Именно в этом своем качестве, а также как близкий друг семьи, с которым можно договориться о встрече, предупредив всего за несколько часов, он и понадобился Уитмору, который сразу перешел к делу.

– Майк, как я уже говорил по телефону, дело крайне деликатное и конфиденциальное. Три недели назад наш главный редактор в издательстве «Берн, Хирш» – его фамилия Мискин – был в Европе, на книжной ярмарке «Книготрах» в Монтрё. Звучит совсем не по-швейцарски, но, похоже, именно так сейчас ведут дела в книжном мире. В последний день Мискин был в своем номере, когда ему позвонили из вестибюля. Какой-то иностранец сказал, что у него есть настоящая сенсация. Оказалось, что это некий восточноевропейец – поляк или русский. У Мискина, чья семья родом оттуда, чутье на таких людей. Парень был очень взволнован и нервничал – представился просто Грегори и сказал, что был в Вене, где завладел документом, вывезенным контрабандой из Венгрии. Не сказал, как именно, – просто сказал, что хочет его продать. Цена была и остается три миллиона долларов.

Он принялся размешивать свой чай без сахара. Сотрудник Министерства финансов ждал, чувствуя, что впервые за всю свою карьеру старик оказался на незнакомой, даже опасной территории.

– Короче говоря, – продолжал Уитмор, – этот документ

якобы представляет собой личный дневник Берии, начальника полиции при Сталине.

Сэнгер присвистнул:

– Должно быть, очень интересно! Если он подлинный.

– Вот тут-то, Майк, мне и нужна твоя помощь.

– Совет или содействие?

– И то и другое. Я в затруднительном положении. На следующий день, перед вылетом домой, Мискин встретился с Грегори и его адвокатом – какой-то шишкой из Цюриха по фамилии Деттвайлер. И даже он, похоже, не до конца посвящен в природу материала и присутствовал просто ради того, чтобы засвидетельствовать подпись Мискина при получении машинописи или, скорее, половины машинописи. Текст на грузинском языке – языке, не похожем ни на европейские языки, ни на русский. Лично я никогда об этом языке не слышал. У Мискина возникли проблемы с переводом, в особенности потому, что перевод требовалось сделать в строжайшей секретности.

Как бы то ни было, Мискин показал материал профессору Крулю в Гарварде, тот, воздержавшись от окончательного суждения, заявил тем не менее, что считает его подлинным. А Грегори торопит. Он хочет, чтобы сделка была заключена в субботу утром, когда Мискин прилетит – формально для подписания контракта. В противном случае Грегори попытается найти другого покупателя. Конкуренция может оказаться весьма жесткой.

Сэнгер усмехнулся:

– Я бы сказал, что да! Ты, разумеется, уже прочел?

– Большую часть. Читается как порнографическая история ужасов. Изнасилования, убийства, надругательства над маленькими девочками – этот парень творил что хотел. Или писал, что творил такое. Добавлю, Майк, что там много политики, включая весьма компрометирующие подробности о нынешних кремлевских лидерах.

– Похоже на чисто коммерческую штуку, – доставая трубку в кожаном чехле и кожаный кисет, сухо заметил Сэнгер. – Или, возможно, слишком коммерческую, чтобы быть подлинной?

– В этом-то и проблема. Дело в том, Майк, что я в затруднительном положении. Если рукопись действительно подлинная – какой бы грязной она ни была, – я просто не могу упустить такой шанс. Вместе с тем, если окажется, что она *не* подлинная, сама природа материала способна взорвать «Берн, Хирш», и потребуется немало времени, чтобы собрать обломки.

Сэнгер принялся набивать трубку табаком.

– И ты хочешь моего совета?

– Мне может понадобиться нечто большее, чем просто совет, – сказал Уитмор.

– Верно. Ты говоришь, что решение нужно принять к субботе, что означает перевод денег в понедельник. Сначала я бы попытался получить еще одно заключение, но только не

советолога. По мне, материал лучше показать психологу – кому-то, кто хорошо знаком с политическим контекстом и мог бы дать взвешенную оценку того, стал бы такой человек, как Берия, вообще писать подобные дневники. Я их не читал, но кажется нетипичным для шефа тайной полиции собирать, судя по всему, крайне компрометирующие доказательства против себя. Возможно, в случае человека, на руках которого кровь миллионов, им двигал непреодолимый импульс признаться, выговориться, даже рискуя тем, что разглашенные в дневнике тайны станут известны потомкам.

Уитмор нетерпеливо заерзал и сказал:

– Ладно, психотерапевтическая сторона вопроса может подождать. Сейчас мне нужны факты. Возможно ли, удастся ли тебе получить какую-то информацию об этом парне, Грегори, – кто он, где живет, чем занимается – к утру субботы?

Сэнгер затянулся дымом из трубки.

– К утру субботы, Чак? Ты просишь невозможного. Если только Грегори – его настоящее имя и он иностранец или беженец, тогда у швейцарцев есть на него досье. Или у австрийцев. Ты сказал, что материал он получил в Вене?

– Верно. И Мискин упомянул, что он свободно говорил по-немецки с адвокатом.

– Хорошо, я попрошу наших людей провести проверку повсюду – у швейцарцев, австрийцев, западных немцев, французов, британцев. Ничего особенного, просто личная просьба. Мы делаем это постоянно.

Он достал блокнот.

– Во-первых, где состоится встреча в субботу?

– «Отель дю Лак», Веве, в полдень. Он должен позвонить

Мискину сегодня в четыре часа дня. Перед отъездом я уточню, откуда был звонок. Возможно, он даже сейчас живет в этом отеле, причем совершенно открыто.

– Возможно, – согласился Сэнгер. – Если он дилетант и действует честно. Но предположим, что он профессионал, и пока даже не важно – добросовестный или фальсификатор. В подобной сделке могут быть самые разные темные мотивы. Не только обычная корысть, но и далекоидущие политические замыслы. Либо попытка дискредитировать неосталинистские элементы в современной России, либо, как ты говоришь, заговор с целью подорвать всю структуру власти в советском блоке. Прошлые связи с Берией все еще могут означать политическую смерть для многих влиятельных людей в этой стране. Вот почему всем, кто замешан в этом деле, следует быть крайне осторожными.

Он помолчал, с сомнением глядя на старика поверх трубки. Он знал, что политические взгляды Уитмора крайне консервативны, тонкие различия между разнообразными враждующими группировками внутри мирового коммунизма были ему совершенно неведомы.

Уитмор, похоже, это понимал, поскольку, когда он заговорил, в его голосе звучало определенное смирение.

– Я бизнесмен, а не политик. И сейчас не в состоянии дать

полную оценку политической ситуации. Но если это кого-то беспокоит, то будет достаточно времени, чтобы разобраться с этим аспектом до публикации. Я оперирую цифрами и фактами. А цифры достаточно просты – три миллиона к утру понедельника. Сейчас мне нужно больше фактов. А что насчет банковской стороны? Даже если мы не сможем найти этого Грегори до крайнего срока, сумеем ли мы как-то следить за ним в дальнейшем?

– Через номерной швейцарский банковский счет? – Сэнгер снова принялся за свою трубку. – Там мы будем иметь дело со святая святых. Ты же знаешь, как у швейцарцев – клиент всегда прав, если он оплачивает счет.

– Я думал, нам удалось немного смягчить требования швейцарцев – открыть некоторые из этих номерных счетов перед сотрудниками нашей налоговой службы?

– Верно. Но только в отдельных крайних случаях и обычно только после предъявления обвинения Большим жури. Но в данном случае, даже если бы мы смогли доказать мошенничество, я сомневаюсь, что удалось бы квалифицировать это как преступление, за которое предусмотрена экстрадиция, – если, конечно, Грегори или кто-либо из его сообщников, если таковые у него есть, не окажутся гражданами США.

– Хорошо. Но этот парень, Грегори, сначала должен открыть счет?

Сэнгер кивнул.

– Так как же он его откроет?

– Деньгами. Как и в любом другом банке – только у швейцарцев еще проще.

Уитмор нетерпеливо махнул рукой.

– Слушай, Майк, не держи меня за дурака. Я говорю о формальностях – удостоверении личности и все такое. Бога ради, не заявится же он просто с чемоданом, набитым деньгами!

Сэнгер невозмутимо попыхивал трубкой.

– Он указал какой-нибудь конкретный банк?

– «Фолькскантонале банк», Цюрих. У них есть филиал в Нью-Йорке.

– Я их знаю. Одна из небольших швейцарских компаний, не из тех банков, которые до сих пор сотрудничали с налоговой службой.

– Так какие документы нужны Грегори, чтобы представиться, не называя при этом своего настоящего имени?

– Всего лишь адресованное ему лично письмо-представление, и он должен предъявить его в присутствии своего швейцарского адвоката.

– Достаточно одного имени – Грегори?

– Он может назваться Иосифом Сталиным, им все равно, важно не имя, а номер. Для получения банковского перевода достаточно просто имени Грегори.

– Полагаю, – медленно произнес Уитмор, – твои связи с ЦРУ здесь не помогут?

Сэнгер рассмеялся.

– Ради бога, ради бога, не вмешивай в это дело *их*! Если они пронюхают об этом, то захотят заключить сделку сами и, скорее всего, все испортят. Так что, если тебе нужна моя помощь, Чак, надо понимать, что я не сотрудничаю с «Компанией», как они себя называют.

Уитмор помрачнел.

– Значит, у меня не так много вариантов?

Сэнгер выбил трубку.

– У нас есть надежный человек в Женеве, а также в Вене. Думаю, сегодня вечером уже ничего не удастся сделать, но завтра мы выясним, кто такой Грегори, если это его настоящее имя. И я прикажу проследить за твоим Мискиным, как только он приземлится. У тебя есть номер его рейса?

Уитмор назвал номер.

Сэнгер закрыл блокнот, и они оба встали.

– Я просто позвоню Мискину, – сказал Уитмор, – спрошу, узнал ли он, где остановился Грегори.

Через пару минут он вернулся, еще мрачнее.

– Нет. Он звонил из Анси, Франция. И он переезжает с места на место. Если, конечно, Мискин говорит правду.

Сэнгер кивнул и протянул руку.

– Пока, Чак. И не волнуйся слишком сильно. Предоставь это дело мне. Как только что-нибудь выясню, я тебе позвоню.

Сэнгер позвонил Уитмору на следующий день около пяти.

– Боюсь, с Грегори какая-то лажа. За последние несколько дней никто с таким именем не зарегистрировался ни в одном швейцарском отеле или пансионе, и ни в одном из крупных отелей Грегори не забронировал мест на предстоящие выходные. Во всех остальных странах тоже ничего не нашли.

Уитмор только хмыкнул и ничего не ответил.

– У тебя есть что-нибудь новое, Чак?

– Нет.

– Ну, я буду на связи.

Уитмор долго сидел, уставившись на обтянутую кожей столешницу. Полчаса назад он дал Мискину последние указания: выплатить Грегори при первой подписи только десять процентов от запрашиваемой цены – триста тысяч долларов, что будет означать месячный опцион на приобретение права на покупку. Уитмор рассудил, что это даст «Берн, Хирш» время еще раз проверить книгу, а также дожидаться дополнительных доказательств, которые могли бы прояснить ситуацию. В контракте оговаривалось, что по истечении тридцати дней издательство «Берн, Хирш» сможет отказаться от права на покупку, если будут представлены доказательства, ставящие под сомнение подлинность произведения. Одновременно Грегори на этот срок обязуется не продавать права третьим лицам.

В глубине души Уитмор был недоволен. Раньше, пока «Берн, Хирш» выпускали от силы одну действительно прибыльную книгу в год, это всех устраивало. Политические

книги в любом случае не были их коньком, если только политика не была абсолютно благопристойной или не относилась к древней истории. А дневник товарища Лаврентия Павловича Берию, как ни посмотри, явно далек и от того, и от другого.

В 10:20 утра в субботу борт авиакомпании «Транс уорлд эйрлайнс» с Саем Мискиным приземлился в аэропорту Куантран, Женева. Пьер Жадо из Федеральной финансовой полиции наблюдал за посадкой лайнера с обзорной террасы воздушной гавани и направился в зону прибытия, где шеф иммиграционной службы кивнул ему, когда его объект прошел контроль.

Из самолета Мискин вышел бодрой походкой. Опохмелившийся половиной бутылки шампанского «Вдова Клико брют», он был свежевыбрит и готов к любым вспышкам гнева Грегори. Таможенный и иммиграционный контроль он прошел без происшествий, а весь его багаж состоял из дорожной сумки «Луи Вуиттон» и черного дипломата. Выехав из аэропорта, такси свернуло на автостраду, идущую вдоль озера в сторону Лозанны.

Мискин был собран, но доволен. Даже погода, казалось, сулила успех: после удушающей манхэттенской жары воздух был чистым и бодрящим. В Веве пахло свежесрезанными цветами, а улицы были чисты, как надраенные полы. Было всего 11:30. Сумку с вещами он оставил на стойке регистра-

ции «Отель дю Лак» и выпил кофе и мартини в баре. На ночь у него забронирован номер в «Отель де Берг» в Женеве и билеты на завтрашний вечерний рейс обратно в Нью-Йорк.

Дверь расположенного наверху номера 96 открыл невысокий, крепко сбитый мужчина с черной бородой.

– Мистер Мискин! Вы пунктуальны. Добро пожаловать!

Мискин его в первое мгновение не узнал. Представившийся ему как Грегори был одет в тот же блестящий синий костюм, что и при их последней встрече, но борода была новой. К тому же она была бутафорской. Мужчина вспотел, и она начала отклеиваться под ушами. Мискин задумался, сказать ему об этом или нет. Переговоры с таким, как Грегори, непростое дело даже при обычных обстоятельствах, переговоры же с ним, устаивающим подобный нелепый маскарад, грозили обернуться трагикомическим фарсом. Мискин боялся рассмеяться, а переговоры о трех миллионах долларов – это совсем не смешно.

Но прежде чем он успел что-то сказать, Грегори схватил его за руку и представил мужчине, сидевшему у окна.

– Вы, конечно, знаете герра Деттвайлера? У нас есть для вас хорошее шампанское. Или вы предпочитаете виски? Сам я пью зубровку – польскую водку, настоящую на травах, очень бодрит в это время суток!

Его огромная туша суматошно кружила вокруг Мискина, чуть его не завалив, когда он закрывал дверь.

Деттвайлер медленно поднялся с кресла и пожал руку.

– Рад вас снова видеть, мистер Мискин. Хорошо долетели?

– Отлично, – осклабился Мискин. – А у вас все в порядке, мистер Грегори?

Грегори тяжело подошел к кофейному столику, где в ведерке со льдом стояла открытая бутылка шампанского.

– Все просто шикарно! – воскликнул он с жутким американским акцентом. – Хотите шампанского? – снова спросил он и, не дожидаясь ответа, налил бокал себе, потеряв половину содержимого в луже пены. Потом наполнил доверху, снова перелив столько же, бокал Мискина и долил в свой бокал из желтовато-зеленой бутылки, уже, как опасливо отметил Мискин, более чем наполовину пустой. Швейцарский адвокат усадил Мискина, а Грегори оставался на ногах, постоянно шагая по комнате.

– Я не вижу причин, почему бы нам не приступить к делу немедленно, – сказал Деттвайлер. – Все необходимые документы при вас?

Мискин похлопал по дипломату у себя на коленях.

– Но сначала я хотел бы попросить мистера Грегори представиться полным именем, – усмехнулся Мискин. – В конце концов, не могу же я и дальше называть вас мистер Грегори? Это как-то глупо.

– Почему глупо? – Грегори застыл на месте и уставился на него сверху вниз покрасневшими слезящимися глазами навывкате.

Мискин пожал плечами.

– Ну, и каково ваше полное имя?

– Джон. Джон Грегори.

В его голосе звучал вызов.

– Ведь это не настоящее ваше имя? – спросил Мискин, на этот раз лишь с тенью улыбки.

– Если я говорю вам, что это мое настоящее имя, по какому праву вы мне не верите? – произнес Грегори с усилившимся от волнения акцентом.

Мискин взглянул на Деттвайлера.

– Этим именем будет подписан контракт, я правильно понимаю?

Швейцарец кивнул.

– Да.

Мискин сжал губы.

– Я не хочу создавать проблем, – сказал он, все еще глядя на адвоката, – но, как я ясно дал понять на нашей последней встрече, мои работодатели настаивают на том, чтобы точно знать, с кем они имеют дело. Три миллиона долларов – это очень большая сумма, чтобы отдать ее совершенно незнакомому человеку.

– Господин Мискин, – произнес Деттвайлер таким тихим голосом, что Мискину пришлось податься вперед, чтобы расслышать его слова, – я считаю, в ходе нашей последней встречи это стало предельно ясно, мой клиент выступает исключительно как агент – единственный агент в отношении

рассматриваемой собственности. Если вы уверены в подлинности этой собственности, проводить персональные расследования нет необходимости. Я выступаю как адвокат мистера Грегори и в этом качестве буду говорить от его имени.

Мискин отпил шампанского.

– Хорошо. Тем не менее, герр Деттвайлер, думаю, мне нет нужды вас предупреждать, что, если с этой сделкой что-то пойдет не так, вам придется отвечать перед «Атлантик нэшнл энд дженерал», а они чертовски влиятельны, даже здесь!

На лице адвоката не дрогнул ни один мускул.

– Надеюсь, вы мне не угрожаете? – тем же ровным тихим голосом спросил он, и Мискин наклонил голову. Он начинал получать удовольствие от происходящего.

– О, я никому не угрожаю, герр Деттвайлер. Я оставляю это на усмотрение своих работодателей. И если вы, как утверждаете, адвокат мистера Грегори, то меня это вполне устраивает. Но я хотел бы вам напомнить, что ваш доверитель и вам отнюдь не все рассказал.

– Что вы имеете в виду?

– Он ведь не рассказал вам, что это за собственность?

Швейцарец бросил быстрый взгляд на Грегори, как раз допившего свой бокал и стоявшего, подозрительно глядя на Мискина.

– Мы так не договаривались! – закричал Грегори. – В прошлый раз мы все это уже обсуждали. Вы говорите, что не хотите проблем, а сами их создаете!

– Ладно, ладно.

Мискин был удовлетворен, ему удалось посеять у Деттвайлера сомнения, которые позволят ослабить альянс, и отныне швейцарец будет выступать скорее как арбитр, нежели противник. Даже один Грегори доставит немало хлопот, когда дело дойдет до десятипроцентного опциона.

Мискин открыл дипломат, достал перевязанную красной лентой папку и извлек из нее письмо, напечатанное на фирменном бланке «Атлантик нэшнл энд дженерал», подписанное Уитмором.

Грегори стоял над ним, тяжело дыша.

– Мне позвонить в банк?

Мискин посмотрел на часы.

– Боюсь, банки закрыты.

– Наш открыт.

Мискин взглянул на него со своей обычной вежливой улыбкой.

– Мистер Грегори, этом нет необходимости. Банковский перевод завершится не раньше утра понедельника.

– Понедельника! Вы же говорили, что самое позднее – сегодня, в субботу!

Грегори взмахнул своими ручищами и беспомощно устался на Деттвайлера, который, в свою очередь, посмотрел на Мискина.

– Все в порядке, джентльмены, не паникуйте. Просто небольшая заминка с валютным контролем. – Мискин ода-

рил их самой лучезарной из своих улыбок. – Даже в Соединенных Штатах, знаете ли, существует несколько правил, касающихся перевода крупных денежных сумм из одной страны в другую.

– Было бы лучше, – сказал Деттвайлер, – если бы вы предупредили нас заранее.

Мискин пожал плечами и снова взял письмо.

– Я также должен предупредить, – начал он, – что мои работодатели внесли определенные изменения в наш первоначальный вариант...

Пока он говорил, Грегори потянулся и выхватил письмо у него из рук.

– Минуточку, мистер Грегори! – вскочил Мискин. – Верните письмо, вы его помнете. – Теперь уже он обратился за помощью к швейцарцу.

Деттвайлер кивнул.

– Мистер Грегори, верните, пожалуйста.

Мискин взял письмо и снова сел, разгладил его на коленях, после чего передал Деттвайлеру. Швейцарец, не выражая никаких эмоций, прочел письмо до конца и уже собирался его вернуть, как Грегори снова выхватил его уже у него из рук, все так же стоя, пробежал глазами и покраснел.

– Твою *мать*! – Грегори, видимо, непроизвольно выругался по-русски, следующие три слова вырвались у него в яростном реве и брызгах слюны: – Триста тысяч долларов! – Не в силах вдохнуть от гнева, он уставился на Деттвайлера. – Это

чертово надувательство! Три миллиона – мы так договаривались! – Он резко повернулся к Мискину и помахал письмом перед его лицом. – Мерзкий, грязный трюк – вы, американские бизнесмены, вы все одним миром мазаны! Вороватые псы, вцепившиеся в кость! Но вы ничего не получите. – Он громко захохотал. – Вы ничего не получите, потому что мы передадим материал в другое место. Деттвайлер, звоните в Берлин, Париж, Лондон, Милан и большим японским парням. Отдельные сделки со всеми ними. И мы скажем этим американским псам...

– Не глупите, – перебил Мискин, повернувшись к швейцарцу. – Герр Деттвайлер, думаю, вам лучше сказать своему доверителю, что даже крупные американские корпорации не привыкли передавать три миллиона долларов без определенных гарантий...

– Гарантии! – взревел русский. – У вас есть эта чертова машинопись – у вас экспертное заключение Круля! Чего вам еще надо? Чтобы контракт подписал призрак Берии?

– Заткнитесь, – оборвал его Мискин, бросив быстрый взгляд на Деттвайлера, но лицо адвоката оставалось бесстрастным. – И снимите эту проклятую бороду! – добавил он. – Кого вы пытаетесь обмануть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.